

DOI: 10.31857/S032103910007705-8

«ГЕКУБА» ЕВРИПИДА: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Б. М. Никольский

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

В статье предлагается интерпретация трагедии Еврипида «Гекуба». Как показывает тематический анализ трагедии, ее замысел состоит в том, чтобы подчеркнуть относительность обычных представлений о дружбе и вражде, предложив для них новый и абсолютный критерий — доблесть и низость. Такая тематическая структура соответствует политической цели, ради которой поставлена трагедия, — поставить под сомнение необходимость и благотворность военного союза с фракийцами. Отношение к фракийцам должно определяться не связывающими их условными узами внешней дружбы, а нравственной оценкой их поступков: коварство и жестокость фракийцев заставляют относиться к ним как к врагам.

Ключевые слова: Еврипид, трагедия, Гекуба, Афины, Фракия

EURIPIDES' *HECUBA*: AN ESSAY OF INTERPRETATION

Boris M. Nikolsky

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-012-00844

Данные об авторе. Борис Михайлович Никольский — доктор филологических наук, заведующий отделом античной литературы ИМЛИ РАН, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, профессор ВШЭ, профессор РГГУ.

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-012-00844).

In this article a new interpretation of Euripides' tragedy *Hecuba* is proposed. As the thematic analysis of the tragedy shows, the author's intention was to stress the relativity of ordinary notions of friendship and enmity and to suggest a new criterion to define them, i.e. virtue and baseness. This theme reflects a political aim of *Hecuba*: the tragedy was intended to put in doubt the necessity and usefulness of the military alliance with the Thracians. The attitude towards the Thracians should depend not on formal relations of friendship but on moral evaluation of their deeds: their cruelty necessitates the view of them as enemies rather than friends.

Keywords: Euripides, tragedy, Hecuba, Athens, Thrace

Действие «Гекубы» складывается из двух частей. Первая половина трагедии посвящена судьбе дочери Гекубы Поликсены: дух погибшего героя Ахилла требует от соратников ахейцев принести ему плененную троянскую царевну в жертву. Гекуба пытается уговорить пришедшего за Поликсеной Одиссея пощадить ее дочь, напоминая об услуге, которую некогда она ему оказала, не выдав его, явившегося в Трою соглаadataем и узнанного Еленой, троянцам. Мольбы Гекубы тщетны, Одиссей не уступает, но неожиданно сцена умоления прерывается мужественным решением самой Поликсены, предпочитающей смерть жизни в рабстве у ахейцев. Столь же мужественно Поликсена ведет себя и в самый момент жертвоприношения, о котором в следующей сцене подробно рассказывает Гекубе вестник ахейцев Талфибий. В центре второй половины трагедии — смерть другого ребенка Гекубы, ее младшего сына Полидора. Слишком юный, чтобы защищать город, Полидор был отправлен отцом в место, которое тот считал наиболее безопасным, — к другу, фракийскому царю Полиместору; кроме мальчика, Приам послал на сохранение Полиместору и свои сокровища. Когда ахейцы взяли Трою, Полиместор изменил долгу дружбы и, желая завладеть сокровищами, убил Полидора. Само убийство случилось еще до начала действия пьесы, однако оно определяет течение всей второй части трагедии: Гекуба сначала узнает о гибели сына, а затем, прибегнув к помощи Агамемнона, связанного с нею почти что родственными отношениями, поскольку он взял себе в наложницы ее дочь Кассандру, вершит возмездие над Полиместором.

Две части пьесы не связаны между собой никакой обязательной сюжетной связью — две смерти просто совпадают по времени. Отсутствие единого и органически связанного действия дало повод многим критикам упрекать «Гекубу» в недостаточной цельности¹. Но в то же самое время соединение этих двух разных событий внутри одной пьесы не может быть случайным, не может не отражать некий авторский замысел. Именно желание связать между собой эти две смерти заставило Еврипида изменить традиционные легенды о судьбе детей Приама. Принесение в жертву Поликсены на могиле Ахилла изображалось и ранее: о нем говорилось в эпической поэме «Взятие Трои», сочиненной, возможно, в VII в. до н.э., оно упоминалось у Ибика (fr. 307 *PMG*), жившего в VI в. до н.э.; о распространении этой легенды в VI в. до н.э. свидетельствует и иконографическая традиция². Однако могила Ахилла всегда помещалась в Троаде, на южном берегу Геллеспонта, Еврипид же переносит ее на северный

¹ Хит (Heath 1987, 55–58) показал происхождение и историю этих критических замечаний в адрес «Гекубы». Они появляются в XVIII в., когда связанность действия становится важным эстетическим требованием (Prévost 1786; Lawson 1758, 377–378), и продолжают вплоть до наших дней (ср., например, Norwood 1948, 216–219; Hogan 1972, 254).

² Mossman 1995, 31, 256–259.

берег, во Фракию. Это изменение мифа приводило в замешательство не только современных ученых, но и античных читателей «Гекубы». Так, например, автор схолии к ст. 521 удивляется: πῶς γὰρ τοῦ Ἀχιλλέως ἐν τῇ Τροίᾳ θανόντος τοὺς Ἑλλήνας φησι πρὸ τοῦ τύμβου αὐτοῦ θύειν ἐν Χερρονήσῳ ὄντας; — «Как же он говорит, что эллины принесли жертву перед могилой Ахилла в Херсонесе, хотя он погиб в Трое?»³ Единственная возможная причина перемещения могилы Ахилла во Фракию — это желание автора объединить в одном спектакле жертвоприношение Поликсены и гибель Полидора от руки фракийского царя Полиместора. Это второе убийство Еврипид придумывает сам, не отталкиваясь уже ни от какой мифологической традиции. Полидор упоминается в «Илиаде» (XX. 407—418), где он назван, как и в «Гекубе», младшим из детей Приама; однако у Гомера Полидор рожден Лаотоей, а не Гекубой, и убивает его Ахилл на поле битвы. Только у Еврипида он становится сыном Гекубы, смерть его перенесена во Фракию, и убийцей его сделан фракийский царь Полиместор. Говорящее имя Полиместора («много замышляющий»), указывающее на его коварство, — лишнее подтверждение тому, что вся эта история была сочинена самим Еврипидом⁴. На вопрос о том, для чего Еврипиду понадобилось перенести события во Фракию, мы попробуем ответить позже, но в любом случае очевидно сознательное намерение автора соединить смерть Поликсены и Полидора. Следовательно, между двумя частями трагедии должна существовать особая связь.

Критики, стремящиеся увидеть за двухчастной структурой «Гекубы» некоторое единство, чаще всего находят объединяющее начало в образе Гекубы, присутствующей на сцене с начала до конца действия⁵. По их мнению, смысл всех происходящих в пьесе событий заключается в том, чтобы выявлять характер героини. Отношение между двумя частями пьесы может при этом объясняться различными способами. Одни исследователи считают, что Еврипид создает контраст между двумя несчастьями, по-разному воздействующими на Гекубу: если заклятие Поликсены, при всех страданиях, которые оно причиняет героине, все же не вызывает в ней ненависти к совершающим его грекам, то жестокое убийство Полидора Полиместором превращает Гекубу в подобного Медею злого духа мести⁶. Другие критики полагают, что и первое убийство осуждается автором не менее, чем второе, и потому оба несчастья должны влиять на поведение Гекубы одинаково: они вместе приводят к тому, что Гекуба, исполняя акт возмездия (ослепляя с помощью других пленниц-троянок Полиместора и убивая его детей), являет себя безжалостным и бесчеловечным существом. Если между второй и первой частями трагедии есть контраст, то заключается он в противопоставлении теряющей человеческий облик Гекубы ее добродетельной дочери Поликсене, благородно и мужественно принимающей смерть⁷. Но как бы по-разному ни видели критики смысл и роль каждой из двух частей, большинство из них согласны в одном: страшное горе, которое переживает Гекуба, разрушает ее нравственно и превращает в чудовище, в зверя. В конце Гекубе предстоит стать собакой с кровавым взглядом (κύων γενήσῃ λύρος' ἔχουσα δέρματα — «ты станешь собакой

³ Подробнее о месте погребения Ахилла в «Гекубе» см. Michelakis 2002, 68—70.

⁴ Mossman 1995, 30; Gantz 1993, 659—660.

⁵ См., например, Tierney 1946, xviii; Pohlenz 1954, 280; Méridier 1956, 176. Об истории интерпретации «Гекубы» в XX в. см. Heath 1987, 62—63.

⁶ Pohlenz 1954, 277—283.

⁷ Abrahamson 1952; Conacher 1961; Luschig 1976; Segal 1990, 119.

с кровавым взглядом», 1265), и это превращение, которое в финале трагедии прочит ей Полиместор, символически передает ее моральное перерождение.

Однако Р. Меридор в статье «Месть Гекубы»⁸ убедительно опровергла эту общепринятую трактовку поступка Гекубы. Она обратила внимание на множество деталей в тексте, заставляющих видеть месть Гекубы совсем в ином свете. Агамемнон, санкционируя наказание Полиместора, не сомневается в его справедливости и в том, что оно согласно с волей богов: καὶ βούλομαι θεῶν θ' οὐνεκ' ἀνόσιον ξένον / καὶ τοῦ δικαίου τήνδε σοὶ δοῦναι δίκην — «Я желаю, чтобы твой нечестивый друг заплатил это наказание и ради богов, и ради справедливости» (852–853). Агон между Гекубой и Полиместором после совершения ею возмездия построен по образцу судебного разбирательства, в котором в качестве судьи выступает Агамемнон. Оправдание Полиместора, объясняющего убийство Полидора своим желанием помочь ахейцам, лживо, в то время как доводы Гекубы, обвиняющей Полиместора в преследовании исключительно собственных корыстных интересов, не позволяют усомниться в ее правоте; поэтому окончательный вердикт, который выносит Агамемнон, должен представляться публике вполне справедливым (1243–1249):

ἐμοὶ δ', ἴν' εἰδῆς, οὔτ' ἐμὴν δοκεῖς χάριν
οὔτ' οὖν Ἀχαιῶν ἄνδρ' ἀποκτεῖναι ξένον,
ἀλλ' ὥς ἔχης τὸν χρυσὸν ἐν δόμοισι σοῖς.
λέγεις δὲ σαυτῷ πρόσφορ' ἐν κακοῖσιν ὦν.

<...>

πῶς οὖν σε κρίνας μὴ ἀδικεῖν φύγω ψόγον;

Знай — я считаю, что ты убил гостя
Не ради меня, не ради ахейцев,
Но чтобы иметь в доме золото.
А говоришь ты то, что тебе выгодно, находясь в беде.

<...>

Как же я тогда избегну упреков, если решу, что ты невиновен?

Порой у Еврипида, действительно, месть должна вызывать негодование, а жертва мести, будь она прежде сколь угодно виновной, оказывается достойной жалости. Однако чтобы вызвать эту жалость, автор изображает персонажа, на которого обрушивается месть, всегда с известной долей симпатии: Ясон в конце «Медеи» (например, в ст. 866–975) отличается от Ясона в начале (ст. 446–626), и хор сочувствует ему (989 сл.); симпатию и сочувствие вызывают и Пенфей в конце «Вакханок»⁹, и Эврисфей в финале «Гераклидов». Отношение к Полиместору в «Гекубе», однако, ничуть не меняется: в финальном агоне с Гекубой этот персонаж исполнен коварства и лести, а в самый момент его наказания изображен зверем, жаждущим крови карающих его женщин (1070–1074):

πᾶ πόδ' ἐπᾶξας
σαρκῶν ὀστέων τ' ἐμπλησθῶ,
θοῖναν ἀγρίων θηρῶν τιθέμενος,
ἀρνύμενος λῶβας λύμας τ' ἀντίποιν' ἐμᾶς;

⁸ Meridor 1978; а также 1983. С ее аргументами согласен и Хит (Heath 1987, 63, n. 122).

⁹ Dodds 1960, комм. к ст. 973–976.

Куда мне ринуться ногой,
Чтобы насытиться мясом и костями,
Устроив пир диких зверей,
Получив плату за унижение и надругательство надо мной?

Таким образом, никакого нравственного падения Гекубы в конце трагедии не происходит: ее поступок справедлив и законен. Тогда, однако, становится невозможно говорить о каком-либо развитии ее характера и связывать с ним драматическую логику пьесы. Структурное единство трагедии и ее смысл должны объясняться как-то иначе.

Некоторые критики при интерпретации «Гекубы» обращают большее внимание не на характер и психологию главного персонажа, а на сходство различных ситуаций и поступков — сходство, позволяющее говорить о некоторых общих управляющих миром пьесы законах. Как часто бывает у Еврипида, подобие ситуаций подчеркивается употреблением в них одних и тех же повторяющихся слов — лексических мотивов. В «Гекубе» можно увидеть два таких мотива, мотив «дружбы» (φιλία) и «свободы» (ἐλευθερία), и трактуются они похожим образом: происходящие в драме события убеждают нас в относительности и одновременности границ, разделяющих друзей и врагов, свободных и рабов¹⁰.

Обратимся сначала к мотиву дружбы. Еврипид создает такие ситуации, в которых персонажи вынуждены выбирать между разными и несовместимыми обязательствами перед теми, с кем они связаны дружескими отношениями¹¹. В первой части трагедии такой выбор совершает Одиссей. С одной стороны, он, как и прочие ахейцы, должен исполнить требование Ахилла и принести ему в жертву Поликсену. Мотив φιλία, связывающей ахейцев и Ахилла и обязывающей их к этому жертвоприношению, возникает уже в прологе, где впервые говорится о нем (40—44):

αἰτεῖ δ' ἀδελφὴν τὴν ἐμὴν Πολυξένην
τύμβῳ φίλον πρόσφαγμα καὶ γέρας λαβεῖν.
καὶ τεύξεται τοῦδ', οὐδ' ἀδώρητος φίλων
ἔσται πρὸς ἀνδρῶν

Он требует моей сестры Поликсены —
Получить ее как желанную жертву могиле и как награду.
И он добьется этого, и не останется без подарка
От своих друзей.

В пароде хор рассказывает Гекубе о собрании ахейцев, на котором они решали, необходимо ли им убивать Поликсену. Решающее слово было за Одиссеем, напомнившим своим товарищам об обязательствах дружбы (136—140):

μηδέ τιν' εἰπεῖν παρὰ Φερσεφόνη
στάντα φθιμένῳ

¹⁰ Stanton 1995; Daitz 1971.

¹¹ Стэнтон называет это «конфликтом обязательств» (Stanton 1995, 32), ср. также Schubert 2000, 92—94. Стэнтон пытается связать обязательства персонажей с их аристократическим происхождением и объяснить создаваемый Еврипидом конфликт между ними желанием поставить под сомнение традиционные аристократические ценности; эта идея, однако, кажется совсем неубедительной.

ὥς ἀχάριστοι Δαναοὶ Δαναοῖς
τοῖς οἰχομένοις ὑπὲρ Ἑλλήνων
Τροίας πεδίων ἀπέβησαν.

Чтобы никто из почивших, встав
Возле Персефоны, не сказал,
Что, покидая равнины Трои,
Не воздали благодарность данайцы данайцам,
Погибшим за эллинов.

Одиссей апеллирует здесь к χάρις «благодарности, милости» — понятию, теснейшим образом связанному с φιλία¹².

Этот мотив — дружбы с Ахиллом и необходимости воздать ему благодарность — звучит в словах Одиссея и в первом эписодии, в его агоне с Гекубой. Герой считает постыдным забывать друга после его смерти (311–312):

οὐκ οὖν τόδ' αἰσχρόν, εἰ βλέποντι μὲν φίλῳ
χρώμεσθ', ἐπεὶ δ' ὄλωλε, μὴ χρώμεσθ' ἔτι;
Не постыдно ли это, если зрячий друг
Нам нужен, а когда умрет, уже не нужен?

Он замечает, что милости (χάρις), оказываемые человеку после смерти, особенно ценны, поскольку длятся долго (διὰ μακροῦ γὰρ ἡ χάρις, 320).

В этом агоне, однако, мы узнаем, что у Одиссея есть еще одно обязательство, которое должно было бы воспрепятствовать его намерению принести в жертву Поликсену. Когда он приходит к палатке, где находятся плененные троянки, и собирается увести Поликсену, Гекуба пытается остановить его, напоминая о том, как не выдала его, пришедшего в Трою, троянцам (239–248). Оказанная ею милость требует от Одиссея ответной милости — благодарности (χάρις). Слово χάρις не раз звучит в ее мольбах и упреках Одиссею. Гекуба просит Одиссея вернуть долг за оказанное ею благодеяние (χάριν τ' ἀπαιτῶ τὴν τόθ', 276) и обвиняет его в неблагодарности (251–255):

οὐκ οὖν κακύνῃ τοῖσδε τοῖς βουλευμασίν,
δς ἐξ ἐμοῦ μὲν ἔπαθες οἷα φῆς παθεῖν,
δρᾶς δ' οὐδὲν ἡμᾶς εὖ, κακῶς δ' ὅσον δύνη;
ἀχάριστον ὑμῶν σπέρμ', ὅσοι δημηγόρους
ζηλοῦτε τιμάς·

Не делают ли эти твои намерения тебя дурным человеком —
Ведь ты получил от меня то, что сам признаешь, что получил,
И поступаешь с нами совсем не хорошо, но как только можешь
плохо?
Неблагодарное ваше семя — тех, кто стремитесь
К почестям любимцев толпы!

Она также упрекает Одиссея в безразличии к друзьям: μηδὲ γινώσκοισθέ μοι, / οἱ τοὺς φίλους βλάπτοντες οὐ φροντίζετε — «Я не хотела бы даже знать вас — тех, кто без смущения вредит друзьям» (255–256).

¹² Слово χάρις обозначает взаимные благодеяния, к обмену которыми обязывают дружеские отношения.

Итак, Одиссей должен выбирать между двумя обязательствами, столкновение которых подчеркнуто употреблением по отношению к ним одних и тех же слов (ἄχάριστος, χάρις, φίλοι): долг перед Ахиллом требует от него принести Поликсену в жертву, а долг перед Гекубой — пощадить ее. Его отказ выполнить просьбу Гекубы критики нередко расценивают как проявление жестокости, как предательство дружбы, как потакание воле толпы, и герой часто подвергается осуждению¹³. Но вина его всего лишь обусловлена положением, в которое он попадает, оказываясь перед необходимостью исполнить одно из обязательств и отказаться от исполнения другого.

В таком же положении находится еще один персонаж — Агамемнон, который, однако, выбирает иной путь. В первой части трагедии он жертвует ради Поликсы и Гекубы, близких своей наложницы Кассандры, долгом перед Ахиллом и призывает ахейцев отказаться от жертвоприношения. Потому предводители афинян Акамонт и Демофонт порицают его за недостаток мужества — за то, что ложе ему дороже копья; в отличие от Агамемнона они

τὰ δὲ Κασάνδρας
λέκτρ' οὐκ ἐφάτην τῆς Ἀχιλείας
πρόσθεν θήσειν ποτὲ λόγχης

Отказались бы
Ложе Кассандры предпочесть
Копью Ахилла (127–129).

Во второй части трагедии Агамемнон встает перед новым выбором: помочь ли Гекубе, умоляющей его наказать Полиместора, или же встать на сторону фракийского царя, с которым ахейцев связывают союзнические отношения. Разговор Агамемнона с Гекубой, занимающий весь третий эпизодий, очень схож с беседой между Гекубой и Одиссеем в первом эпизодии: Гекуба точно так же здесь обращается с мольбами к нему, как и прежде к Одиссею (совпадают в этих двух сценах даже слова, ср. ее просьбы о жалости Одиссею: αἰδέσθητί με, / οἴκτιρον, 286–287, и Агамемнону: αἰδέσθητί με / οἴκτιρον ἡμᾶς,

¹³ Conacher 1961, 12; Abrahamson 1952, 122; Luschign 1976, 230. Стоит заметить, что эти исследователи считают жертвоприношение Поликсы неоправданным. Коначер, например, утверждает, что судить о жертвоприношении следует исходя из этических представлений конца V в. до н.э., запрещавших человеческие жертвоприношения (Conacher 1961, 11, см. также Abrahamson 1952, 123–124). На самом деле, конечно, зрительскую оценку жертвоприношения должны определять не этические взгляды, а драматическая логика пьесы. В «Ифигении в Тавриде», например, человеческое жертвоприношение оценивается как нечестивое деяние и ассоциируется с варварством; персонажи стремятся его избежать, и им это удается. В «Гераклидах», напротив, жертвоприношение дочери Геракла не вызывает ни малейшего осуждения; все персонажи признают его необходимым, и оно дает Макарии возможность проявить героизм. В «Гекубе» ахейцы не могут избежать его: Ахилл задерживает их корабли, не позволяя им вернуться домой, и лишь смерть Поликсы способна умиловить героя (37–41), так что его нужно признать необходимостью, хоть и горькой. О том, что решение принести Поликсену в жертву правильно, свидетельствует и точка зрения правителей Афин Акамонта и Демофона, которые на собрании ахейцев γνώμη δὲ μὲν συνεχωρεῖται, / τὸν Ἀχιλλεῖον τύμβον στεφανοῦν / αἴματι χλωρῷ — «сошлись в одном суждении — увенчать Ахиллову могилу свежей кровью» (124–126). У нас нет никаких оснований видеть здесь, вслед за Кингом, критику Афин (King 1985, 63–64).

806–807), и в центре их диалога также находится тема дружбы и благодарности. Сначала Гекуба медлит высказать Агамемнону свою просьбу, опасаясь, что он откажет ей, поскольку считает ее врагом (741–742):

ἀλλ', εἴ με δοῦλῃν πολεμίαν θ' ἡγοούμενος
γονάτων ἀπώσαιτ', ἄλλος ἄν προοθείμεθ' ἄν

Если бы он, сочтя меня рабыней и врагом,
Оттолкнул от своих коленей, моя боль стала бы только сильнее.

Затем, решив, что она преувеличивает его враждебность (ἄρ' ἐκλογίζομαι γε πρὸς τὸ δυσμενὲς / μᾶλλον φρένας τοῦδ', ὄντος οὐχὶ δυσμενοῦς; — «Но не может ли быть так, что я предполагаю слишком много враждебности в его отношении, в то время как он не враждебен?», 745–746), героиня переходит к мольбам и убеждению. Она говорит о справедливости наказания Полиместора (799–805), о своей жалкой участи (806–811), однако слова ее не имеют никакой силы. Агамемнон молчит и отстраняется от нее; Гекуба описывает его жест (812–813):

οἴμοι τάλαινα, ποῖ μ' ὑπεξάγεις πόδα;
ἔοικα πράξειν οὐδέν· ὧ τάλαινα' ἐγώ

Ах я несчастная, куда ты уводишь от меня свою ногу?
Кажется, я ничего не добьюсь. О я несчастная!

И тогда Гекуба прибегает к новому способу убеждения. Она напоминает Агамемнону о своей дочери Кассандре, которую тот взял себе в наложницы, и просит его воздать благодарность (χάρις) за радость разделенного с нею ложа (826–830):

πρὸς σοῖσι πλευροῖς παῖς ἐμὴ κοιμίζεται
ἢ φοιβάς, ἣν καλοῦσι Κασάνδραν Φρύγες.
ποῦ τὰς φίλας διῆτ' εὐφρόνας δεῖξεις¹⁴, ἄναξ,
ἢ τῶν ἐν εὐνῇ φιλότων ἀσπασμάτων
χάριν τίν' ἔξει παῖς ἐμὴ, κείνης δ' ἐγώ;

У твоего бока спит моя дочь,
Фебова пророчица, которую фригийцы зовут Кассандрой.
Как ты выразишь радость от ночей с нею, владыка?
И какую благодарность получит за милые объятия
Моя дочь, а за нее — я?

Критики, которые находят в поведении Гекубы моральную деградацию, полагают, что уже в этой сцене Еврипид изображает падение героини, сравнивая ее со сводней, торгующей прелестями собственной дочери. По мнению Лашниг, «her use of Cassandra's favors is a final degradation»¹⁵; примерно теми же словами описывает поведение Гекубы и Коначер, усматривающий в слове χάρις указание на плату за сексуальные услуги¹⁶. Это слово, однако,

¹⁴ Мы оставляем здесь рукописное чтение, не принимая конъектуры Диггла λέξεις.

¹⁵ Luschnig 1976, 232.

¹⁶ Conacher 1961, 22.

как и в первых сценах пьесы, отсылает совсем к иному роду отношений: оно обозначает ожидаемое ответное благодеяние, которого требует установившаяся между героями близость — *φιλία*¹⁷. Гекуба уподобляет связь Агамемнона с Кассандрой браку и потому утверждает, что она сама и погибший Полидор стали Агамемнону родственниками и как родственники могут рассчитывать на его помощь. Этот смысл несут в себе слова, произнесенные Гекубой сразу после упоминания Кассандры (833—835):

τὸν θανόντα τόνδ' ὄρᾳς;
τοῦτον καλῶς δρῶν ὄντα κηδεστήν σέθεν
δράσεις
Ты видишь здесь его, мертвого?
Облагодетельствовав его, ты будешь благодетелем
Своего шурина.

Апелляция Гекубы к связывающим их отношениям свойства убеждает Агамемнона; теперь он готов оказать ей дружескую услугу (*χάρις* — ср. употребление этого слова в ст. 874 и 899) и наказать Полиместора, но он опасается порицания со стороны своих товарищей (*φίλοι*) ахейцев, связанных дружескими отношениями с Полиместором (858—860):

Τὸν ἄνδρα τοῦτον φίλιον ἡγεῖται στρατός,
τὸν κατθανόντα δ' ἐχθρόν· εἰ δὲ σοὶ φίλος
ὅδ' ἐστί, χωρὶς τοῦτο κοῦ κοινὸν στρατῷ.
Этого человека войско считает другом,
А умершего — врагом. А если он друг тебе,
Это личное твое дело, которое войска не касается.

В отличие от Одиссея в первой части трагедии Агамемнон делает выбор в пользу личной дружбы с Гекубой. Один раз он уже поступил так, выступив на собрании ахейцев против жертвоприношения Поликсены, за что получил упреки в пренебрежении долгом перед товарищами; теперь он не хочет отказываться ни от каких из связывающих его дружеских обязательств¹⁸, но пытается исполнить их все — и помочь Гекубе, и не потерять лица перед соратниками. Потому он решает поддержать Гекубу пассивно — не участвовать в наказании Полиместора лично, но позволить Гекубе отомстить и воспрепятствовать ахейцам, если они вдруг узнают и решат прийти Полиместору на помощь.

¹⁷ Кроме *χάρις*, Еврипид обыгрывает здесь связь с *φιλία* эпитета, прилагаемого им к объятиям Кассандры и к ночам, которые разделяет с нею Агамемнон, — прилагательного *φίλος* «милый».

¹⁸ Именно идея связывающих обязательств лежит в основе рассуждения Гекубы об отсутствии свободы у Агамемнона (864—869). У нас нет никаких оснований вслед за другими исследователями (см., например, Daitz 1971, 221; Schubert 2000, 94) полагать, что эллины изображены в «Гекубе» рабами, менее свободными, чем варвары; тема относительности положения свободных и рабов, которую мы разберем дальше, опирается только на ситуацию пленных троянок.

Едва ли Агамемнон заслуживает тех упреков, которые обращают против него многие критики¹⁹. Его поступки, действительно, производят впечатление связанности и несвободы, но причина кроется не в самом герое, а в той сложной ситуации, в которой ему приходится действовать, — в ситуации, в которой сталкиваются противоположные обязательства дружбы. Положение его таково же, что и положение Одиссея, и два персонажа демонстрируют два возможных способа поведения в таких обстоятельствах — или жертвовать какими-то из обязательств, или же пытаться хотя бы внешне соблюдать все. Всякий выбор может стать поводом для упреков — или в жестокости, или в слабости, но виноват сам мир, проводящий жесткие границы и отделяющий друзей от врагов.

Относительность границ Еврипид показывает, не только ставя своих персонажей перед необходимостью делать сложный выбор, но и легко переводя их через эти границы, делая друзей врагами и врагов друзьями. Агамемнон — ахеец, и потому враг троянки Гекубы, но, полюбив ее дочь Кассандру и взяв ее себе в наложницы, становится ее другом; Полиместор — друг ахейцев и друг Гекубы, но после убийства Полидора становится их общим врагом. Эту особенность мира, в котором живут его персонажи, Еврипид выражает словами хора (846—849):

δεινὸν γέ, θνητοῖς ὡς ἅπαντα συμπλίνει,
καὶ τῆς ἀνάγκης οἱ νόμοι διώρισαν,
φίλους τιθέντες τοὺς γε πολεμιωτάτους
ἐχθροὺς τε τοὺς πρὶν εὐμενεῖς ποιοῦμενοι

Удивительно, как у смертных все переплетается
И все определяют законы неизбежности,
Делая друзьями тех, кто был наиболее враждебен,
И врагами тех, кто прежде дружил.

Столь же проницаемы и границы, разделяющие свободных и рабов, так что и это противопоставление оказывается относительным. В конце пролога дух погибшего Полидора, видя появляющуюся на сцене мать, с горечью сравнивает ее нынешнюю рабскую долю с недавним прошлым, когда она была царицей (55—57):

ὦ μήτηρ ἥτις ἐκ τυραννικῶν δόμων
δούλειον ἡμᾶρ εἶδες, ὡς πράσσεις κακῶς
δοσολεῖ εὐ ποτ'·

Ах, мать, которая после царских чертогов
Увидела рабскую долю, как несчастна ты теперь!
Столь же, сколь была счастлива прежде.

То же сожаление звучит в первых словах самой Гекубы (60—61):

ἄγετ' ὀρθοῦσαι τὴν ὁμόδουλον,
Τρώαδες, ὑμῖν, πρόσθε δ' ἄνασσα

¹⁹ По мнению Абрахамсона, Одиссей и Агамемнон воплощают в себе два типа человеческих пороков — жестокость и слабость (Abrahamson 1952, 122). И Абрахамсон, и Лашниг (Luschnig 1976, 231) не сомневаются в том, что Агамемнон — причина и страданий Гекубы, и ее нравственного падения.

Держите прямо и ведите ту, кто в рабстве
Вместе с вами, троянки, а прежде была царицей.

Такова участь и хора, состоящего из троянских женщин, которые прежде были свободными, но теперь должны отправиться рабынями в Элладу. Выходя на оркестру, они обращаются к Гекубе с речью, в которой так же, как и сама Гекуба, оплакивают недавно утраченную свободу (98–103):

Ἑκάβη, σπουδῇ πρὸς σ' ἐλιάσθην
τὰς δεσποσύνους σκηνὰς προλιποῦσ',
ἴν' ἐκληρώθην καὶ προσετάχθην
δούλῃ, πόλεως ἀπελαυνομένη
τῆς Ἰλιάδος, λόγχης αἰχμῇ
δοριθήρατος πρὸς Ἀχαιῶν,

Гекуба, я спешно выскочила к тебе,
Оставив господские шатры,
Где меня отобрали по жребию и определили
Рабыней, выгнав из илионского
Города, когда острием копья
Добыли меня на войне ахейцы.

Эта тема постоянно звучит на протяжении всей трагедии. Гекуба оплакивает свое превращение из свободной в рабыню: *δούλῃ θανοῦμαι, πατὴρ οὗς' ἐλευθέρου* «я умру рабыней, хотя родилась от свободного отца» (420). Умоляя Одиссея спасти Поликсену, Гекуба говорит ему о своей участи как о примере переменчивости судьбы — всякий свободный может внезапно оказаться рабом (283–285):

οὐδ' εὐτυχοῦντας εὖ δοκεῖν πράξειν αἰεί·
κάγώ γάρ ἤ ποτ', ἀλλὰ νῦν οὐκ εἴμ' ἔτι,
τὸν πάντα δ' ὄλβον ἤμαρ ἐν μ' ἀφείλετο

Не нужно тем, кто счастлив, считать, что они будут счастливы
всегда.

И я когда-то была, но теперь уже нет.
Один день лишил меня всего счастья.

Впрочем, и сам Одиссей оказался в положении раба, когда приходил в Трою и должен был просить Гекубу спасти ему жизнь: *τί δῆτ' ἔλεξας δοῦλος ὢν ἐμὸς τότε;* — «Так что ты говорил тогда — когда был моим рабом?» (249), — спрашивает у него теперь Гекуба.

Перемена судьбы — утрата прежней свободы и предстоящее рабство у ахейцев — становится одной из главных тем хоровых песен. В первом стасиме троянские женщины перечисляют разные части Эллады, в которых им предстоит влачить свою рабскую долю; заканчивается стасим противопоставлением прежней жизни на родине и будущей жизни в рабстве (475–481):

ὦ μοι τεκέων ἐμῶν,
ὦ μοι πατέρων χθονός θ',
ἃ καλῶ κατερείπεται
τυφομένα, δορίκτητος

Ἀργεῖων· ἐγὼ δ' ἐν ξεί-
νῳ χθονὶ δὴ κέκλημαι δού-
λα

О мои дети!
О мои отцы и страна,
Что лежит в обломках
И дымится, захваченная копьем
Аргивян. А меня в чужой
Стране будут звать рабыней.

В третьем стасиме хор рассказывает о взятии Трои — том моменте, когда счастливая и спокойная жизнь (ср. ст. 923—926) сменилась на рабство в Элладе (936—942):

ἄγομαι δὲ θανάον' ἰδοῦς' ἀκοίταν
τὸν ἐμὸν ἄλιον ἐπὶ πέλαγος·
πόλιν τ' ἀποσκοποῦς, ἐπεὶ νόστιμον
ναῦς ἐκίνησεν πόδα καὶ μ' ἀπὸ γᾶς
ᾤρισεν Ἰλιάδος,
τάλαιν', ἀλεῖπον ἄλγעי,

Меня увозят — после того, как я увидела смерть
Моего супруга — по соленому морю,
И оглядываясь на город, когда корабль
Направил свою стопу домой и разлучил меня
С илионской страной.
Несчастливая, я лишилась сил от боли.

Словами троянок об их рабской участи и заканчивается трагедия (1293—1295):

ἴτε πρὸς λιμένας σκηνάς τε, φίλοι,
τῶν δεσποσύνων πειρασόμεναι
μόχθων· στερρὰ γὰρ ἀνάγκη.

Подруги, идите к гаваням и к шатрам,
Чтобы изведать труд у
Хозяев. Неизбежность сурова.

Итак, в мире «Гекубы» не существует отчетливых границ между противоположными понятиями; дружба и вражда, свобода и рабство — категории относительные, сегодняшние друзья завтра могут оказаться врагами, сегодня свободные завтра становятся рабами. В то же время условное разделение на разные группы ставит человека перед необходимостью делать выбор между противоположными и несовместимыми обязательствами, неизбежно жертвуя одним из них или же будучи вынужденным лавировать и притворяться. Недостатки персонажей-ахейцев проистекают из сложности положения: Агамемнон выглядит слабым, а Одиссей, который не смущаясь отказывается от долга перед Гекубой, — безжалостным. Поведение Одиссея мотивировано его недооценкой изменчивости и относительности существующих в мире разграничений. Высказываясь на собрании ахейцев в пользу жертвоприношения Поликсены, он подчеркивает различие между лучшим из ахейцев Ахиллом

и рабами троянцами, хотя Еврипид постоянно напоминает нам, что троянцы стали рабами совсем недавно (133–135):

Λαερτιάδης πείθει στρατιὰν
μὴ τὸν ἄριστον Δαναῶν πάντων
δούλων σφαγίων εἶνεκ' ἄπωθεῖν,

Лаэртиад убеждает войско
Не отвергать лучшего из всех ахейцев
Ради обреченных на жертву рабов.

Свою речь, обращенную к Гекубе, Одиссей заканчивает замечанием о том, что эллины в отличие от варваров умеют почитать друзей (328–331):

οἱ βάρβαροι δὲ μήτε τοὺς φίλους φίλους
ἡγεῖσθε, μήτε τοὺς καλῶς τεθνηκότας
θαυμάζεθ', ὥς ἂν ἡ μὲν Ἑλλὰς εὐτυχῇ,
ὕμεῖς δ' ἔχηθ' ὅμοια τοῖς βουλευμασιν

Вы, варвары, давайте, не считайте друзей друзьями
И не восхищайтесь теми, кто умер прекрасной
Смертью, чтобы Эллада процветала,
А вы получили то, что соответствует вашим помыслам.

Он убежден в правильности своего выбора и не сомневается в том, что исполняет долг дружбы — забывая при этом, что пренебрегает обязательствами перед Гекубой.

Еврипид и в других своих трагедиях показывает относительность границ между противоположными понятиями и ставит персонажей в ситуацию выбора между несовместимыми обязательствами. Например, в «Ипполите» все герои стремятся совершать добродетельные поступки, но всякий раз выполнение одного требования добродетели влечет за собой нарушение другого²⁰. Стоит, однако, обратить внимание на то, что Еврипид в «Гекубе», как, впрочем, и в «Ипполите», не довольствуется изображением реальности двойственной и относительной. Он создает не только ситуации, выявляющие противоречия в привычных понятиях, но и ситуации, которые наполняют эти понятия подлинным и абсолютным значением. В «Гекубе» таковыми событиями оказываются главные поступки двух частей пьесы — жертвоприношение Поликсы и убийство Полидора.

Как я уже говорил, когда исследователи пытаются объяснить соотношение двух половин трагедии, они полагают главным событием второй части месть Гекубы. Именно этот поступок, по их мнению, должен быть противопоставлен действию первой части пьесы — или мужеству и благородству Поликсы, или поведению в начале трагедии самой Гекубы. Однако уже в прологе Еврипид показывает нам, какие два события должны интересовать нас прежде всего. Рассказ призрака Полидора делится на две части, посвященные двум смертям, одной уже случившейся, другой предстоящей — гибели самого Полидора (1–34) и смерти Поликсы (35–44). Именно эти события создают контраст между двумя частями произведения, и суть его состоит не столько

²⁰ Nikolsky 2015, 41–74.

в разном воздействии их на Гекубу, сколько в противоположном нравственном значении самих двух смертей.

В первой части пьесы нас должен интересовать нравственный облик не ахейцев, участвующих в жертвоприношении Поликсены, — как я уже попытался показать, их роль не может не быть пассивной, они лишь подчиняются требованию своего погибшего товарища и неумолимой судьбе, — но поведение самой Поликсены, благородно и мужественно принимающей смерть. Ее поступок описывается тем же мотивом свободы и рабства, который мы разбирали выше, но здесь эти понятия обретают абсолютное значение.

Поликсена готова умереть, поскольку она рождена свободной и не может смириться с рабской участью — с той самой переменной судьбы, которую оплакивают Гекуба и другие троянки (354—357):

δέσποινα δ' ἡ δύστηνος Ἰδαίαισιν ἦ
γυναιξὶ παρθένοις τ' ἀπόβλεπτος μέτα,
ἴση θεοῖσι πλὴν τὸ κατθανεῖν μόνον·
νῦν δ' εἰμὶ δοῦλη

Я, несчастная, была госпожой идеянкам,
Меня замечали среди женщин и девушек,
Я была равна богам во всем, кроме смерти,
А теперь я рабыня.

Уже само имя рабыни заставляет ее желать смерти: πρῶτα μὲν με τοῦνομα / θανεῖν ἐρᾶν τίθησιν οὐκ εἰωθὸς ὧν (357—358). Она не может согласиться исполнять низкие обязанности рабыни и терпеть издевательства от хозяев (359—364):

ἔπειτ' ἴσως ἂν δεσποτῶν ὤμων φρένας
τύχοιμ' ἄν, ὅστις ἀργύρου μ' ὠνήσεται,
τὴν Ἑκτορός τε χιτῶν πολλῶν κάσιν,
προσθεὶς δ' ἀνάγκην σιτοποιὸν ἐν δόμοις,
σαίρειν τε δῶμα κερκίσιν τ' ἐφεστάναι
λυπρὰν ἄγουσαν ἡμέραν μ' ἀναγκάσει·

Потом, возможно, я попаду к хозяину
С жестоким сердцем, который купит за серебро меня —
Сестру Гектора и многих других —
Станет принуждать меня делать хлеб в его доме
И заставит проводить горестный день,
Подметая дом и стоя за ткацким челноком.

Не желает она и разделять ложе с рабом, после того как была желанной невестой царям (365—366):

λέχη δὲ τὰμὰ δοῦλος ὀνητός ποθεν
χρανεῖ, τυράννων πρόσθεν ἡξιωμένα

Раб, купленный где-то, запяtnает
Мое ложе, прежде достойное царей, —

и потому Поликсена желает покинуть свет сейчас, пока она еще свободна (367—368):

ἀφίημι' ὁμμάτων ἐλευθέρων
φέγγος τόδ', Ἴαιδην προστιθεῖσ' ἐμὸν δέμας.

Посылая тело в Аид, я лишаю этого света
Мои глаза, пока они еще свободны.

Это стремление к свободе Поликсена являет и в момент принесения в жертву, выражая его в самих своих движениях. Она просит не держать ее и не прикасаться к ней, поскольку хочет умереть свободной (548–551):

ἐκοῦσα θνήσκω· μή τις ἄψηται χρὸς
τοῦμοῦ· παρέξω γὰρ δέρην εὐκαρδίως.
ἐλευθέραν δέ μ', ὥς ἐλευθέρα θάνω,
πρὸς θεῶν, μεθέντες κτείναντ'.

Я умираю добровольно. Пусть никто не прикасается
К моему телу. Я храбро дам мою шею.
Ради богов, убейте меня, отпустив на свободу,
Чтобы я умерла свободной.

Поликсене удастся сохранить свободу несмотря на перемену судьбы, и позволяют ей сделать это ее доблесть и благородство. Нравственное достоинство героини постоянно подчеркивается употреблением слов со значением моральной оценки. Она сама объясняет свою решимость умереть нежеланием проявить низость и малодушие (εἰ δὲ μὴ βουλήσομαι, / κακῇ φανοῦμαι καὶ φιλόψυχος γυνή — «Если я откажусь, я буду выглядеть женщиной трусливой и цепляющейся за жизнь», 347–348) и предпочитает смерть позору (συμβούλου δέ μοι / θανεῖν πρὶν αἰσχροῦ μὴ κατ' ἀξίαν τυχεῖν — «дай мне совет умереть прежде, чем я удостоюсь незаслуженного позора», 373–374; τὸ γὰρ ζῆν μὴ καλῶς μέγας πόνος — «жизнь без почета — большое страдание», 378). О ее благородстве и мужестве говорят и пленные троянки (379–381):

δεινὸς χαρακτήρ καλίστημος ἐν βροτοῖς
ἐσθλῶν γενέσθαι, κατὰ μείζον ἔρχεται
τῆς εὐγενείας ὄνομα τοῖσιν ἀξίοις

Удивительный и замечательный отпечаток оставляет в смертных,
Когда они рождены от доблестных людей, и слава благородного
происхождения
Еще возрастает у тех, кто его достоин, —

и их хозяйка ахейцы (τῇ περισσ' εὐκαρδίῳ / ψυχὴν τ' ἀρίστη — «очень храбрая и лучшая душою», 579–580).

Итак, над относительностью разделения людей на свободных и рабов стоит человеческое достоинство — благородство и мужество; эти качества позволяют оставаться свободным, и они определяют истинный смысл понятия свободы.

Подобно тому, как в первой части трагедии внутреннее благородство Поликсены разрешает противоречие, скрытое в формальном противопоставлении свободных и рабов, во второй половине противоречивое разделение мира на друзей и врагов разрешается изображением другого абсолютного полюса, на этот раз негативного — низости фракийского царя Полиместора. Описывая поступок Полиместора, ради корысти предавшего доверие Приама и Гекубы

и убившего их сына Полидора, Еврипид вновь, как и во многих других сценах пьесы, прибегает к теме дружбы, однако здесь она уже лишена всякой описанной выше амбивалентности. В отличие от Одиссея и Агамемнона, которые могут отказываться от дружеских обязательств перед кем-либо, но ради исполнения других обязательств, Полиместор изменяет дружбе только лишь ради собственной выгоды, и если он объясняет свой поступок соображениями дружбы, то лишь прикрывает этим свои подлинные эгоистичные мотивы.

О предательстве Полиместором отношений дружбы и гостеприимства (ξενία), которые связывали его с Приамом и Гекубой, говорится уже в прологе. Призрак Полидора рассказывает о том, как

κτείνει με χρυσοῦ τὸν ταλαίπωρον χάριν
ξένος πατὴρ καὶ κτανὼν ἐς οἶδμ' ἄλλος
μεθ' ἧχ', ἵν' αὐτὸς χρυσὸν ἐν δόμοις ἔχη

меня, несчастного, убил ради золота
Отцовский друг, и, убив, бросил меня

В пучину моря, чтобы самому обладать в доме сокровищами (25–27).

Смерть Полидора здесь же, в прологе, противопоставлена вынужденному жертвоприношению Поликсены, от которого ахейцы не могут отказаться, поскольку должны быть верны дружбе, связывавшей их с Ахиллом: οὐδ' ἄδωρητος φίλων / ἔσται πρὸς ἀνδρῶν — «Не останется он без подарка от друзей» (42–43).

Мотив дружбы оказывается и средоточием всей финальной сцены трагедии, в которой участвует Полиместор. В первом же стихе, обращенном им к Гекубе, дважды повторяется слово φίλτατος в превосходной степени (ὦ φίλτατ' ἀνδρῶν Πρίαμε, φίλτατῇ δὲ σύ, / Ἑκάβῃ — «Приам, самый дорогой мне из людей, и ты самая дорогая, Гекуба», 953–954): так Полиместор хочет выразить свое отношение к Гекубе, сына которой он только что убил. Затем, когда Гекуба просит его услаť стражу, чтобы лишить возможности защититься, Полиместор самодовольно заявляет о дружбе, связывающей его с обеими враждующими сторонами — и с ахейцами, и с троянцами: φίλῃ μὲν εἶ σύ, προσφίλης δέ μοι τόδε / οὐράτευμ' Ἀχαιῶν — «Дорога мне и ты, но дорого и это войско ахейцев» (982–983). Встречая на сцене Агамемнона, Полиместор обращается к нему все тем же словом φίλτατος (1114).

Положение Полиместора в некотором смысле напоминает ситуацию, в которой находятся Агамемнон и Одиссей — их также связывают дружеские отношения сразу и с другими ахейцами, и с Гекубой; но если греческие герои оказываются перед конфликтом обязательств, то для Полиместора заявление о такой двойной дружбе становится только средством скрывать сначала свое преступление (говоря о дружбе с Гекубой, Полиместор надеется, что преступление его не будет раскрыто), а затем, после разоблачения, — свои истинные мотивы. Когда в финальном агоне он выносит свой поступок на суд Агамемнона, объясняет он его своими дружескими отношениями с ахейцами (ἔδεισα μὴ σοὶ πολέμιος λειφθεὶς ὁ παῖς / Τροίαν ἀθροίσῃ καὶ ξυνοικίσῃ πάλιν — «Я боялся, как бы ребенок, оставшись тебе врагом, не собрал и не заселил вновь Трою», 1138–1139), т.е. так же, как можно объяснить жестокость Одиссея к Поликсене. Но в отличие от Одиссея у Полиместора не может быть такого оправдания, как справедливо объясняет Гекуба (1197–1207):

ὅς φης Ἀχαιῶν πόνον ἀπαλλάσσω· διπλοῦν
Ἀγαμέμνονός θ' ἕκατι παῖδ' ἔμδον κτανεῖν.

<...>

ὁ χρυσός, εἰ βούλοιο τάληθ' ἰλέγειν,
ἔκτεινε τὸν ἔμδον παῖδα, καὶ κέρδη τὰ σά

Ты говоришь, что убил моего сына, избавляя
Ахейцев от двойного труда и ради Агамемнона.

<....>

Золото — если бы ты захотел сказать правду —
Убило моего сына, и твоя корысть.

В своей обвинительной речи, давая нравственную оценку поступку Полиместора, Гекуба не раз произносит слово *κακός* (ὃ κάκιστε, 1199; νῦν ἄκουσον, ὥς φανῆς κακός, 1217). Агамемнон, когда выносит свой окончательный вердикт, называет поступок Полиместора словом *αἰσχρόν* (1247–1248):

τάχ' οὖν παρ' ὑμῖν ῥάδιον ξενοκτονεῖν·
ἡμῖν δέ γ' αἰσχρόν τοῖσιν Ἑλλήσιν τόδε

Наверное, у вас легко убивать друзей,
А нам, эллинам, это постыдно.

Слова *κακός* и *αἰσχρόν* подчеркивают контраст между преступлением Полиместора и подвигом Поликсены, желавшей не оказаться *κακή* и избежать τὰ *αἰσχροά*; и если благородство Поликсены возвышает над условным положением свободных и рабов, то низость Полиместора выходит за пределы всяких отношений дружбы и вражды, какими бы сложными и противоречивыми они ни были.

Поступки Поликсены и Полиместора противопоставлены не только по своему нравственному содержанию, но и по тому воздействию, которое они производят на окружающих. Благородство Поликсены заставляет всех, даже ее врагов ахейцев, испытать по отношению к героине дружеские чувства. Ахейцы настолько потрясены ее поведением, что все участвуют в воздании ей посмертных почестей — покрывают ее тело листвою и собирают дрова для погребального костра, упрекая всякого недостаточно усердного (577–580); опасения Гекубы, как бы ахейцы не оскорбили Поликсену, считая ее своим врагом (ἢ πρὸς τὸ δεινὸν ἦλθεθ' ὥς ἐχθράν, γέρον, / κτείνοντες; — «Может, вы дошли до ужасного, старик, убивая ее словно врага?», 516–517), не сбываются. Злодейство Полиместора, напротив, рождает лишь вражду и месть, даже со стороны его прежних друзей. Мотивная связь благородства с дружбой и низости с враждой афористично выражена переключкой понятий *καλά* и *φίλα* во фразе, которую Агамемнон адресует Полиместору: ἄλλ' ἐπεὶ τὰ μὴ καλὰ / πρᾶσσειν ἐτόλμας, τλήθι καὶ τὰ μὴ φίλα — «Коли ты осмелился совершить *недостойное*, будь смел перенести и *неудобное/недружественное*²¹» (1250–1251; курсив мой. — Б.Н.).

Вызванная преступлением вражда не будет иметь конца, месть станет причиной новой мести. Именно об этом — о бесконечности несчастий, к которым

²¹ В слове *φίλα* Еврипид обыгрывает два значения — пассивное значение «приятное» и активное значение «любящее, дружелюбное».

приводит злодейство, — говорит финал трагедии. Автор хочет обратить внимание не столько на нравственное падение Гекубы, как считают критики, а на трагические последствия злодейства Полиместора. Возможно, Гекуба уподобляется зверю, когда вместе с другими троянками ослепляет Полиместора и убивает его детей, и вполне возможно, что грядущее превращение ее в собаку символически передает утрату ею человеческого облика в момент возмездия, однако зверем становится теперь и Полиместор. Он выходит из палатки троянок как четвероногий зверь (1056—1058):

πᾶ βῶ, πᾶ στῶ, πᾶ κέλσω;
τετράποδος βάσιν θηρὸς ὀρεστέρου
τιθέμενος ἐπὶ χεῖρα κατ' ἵχνος;

Куда идти, куда встать, куда причалить,
Ступая шагом четвероногого горного зверя
На руках и ногах?

Он жаждет мяса своих обидчиц и готов разорвать Гекубу на части (1070—1072; 1125—1126):

πᾶ πόδ' ἐπᾶξας
σαρκῶν ὀστέων τ' ἐμπλησθῶ,
θοῖναν ἀγρίων θηρῶν τιθέμενος

Куда мне ринуться ногой,
Чтобы насытиться мясом и костями,
Устроив пир диких зверей?

σῆμηνον, εἰπὲ ποῦ 'σθ', ἵν' ἀρπάσας χεροῖν
διασπάσωμαι καὶ καθαιμάξω χροά

Укажи, скажи, где она, чтобы я, схватив руками,
Разорвал на части и окровавил ее тело.

Обращенное им к троянкам слово ὧ κατάρατοι («проклятые», 1065) переключается с выражением ὧ κατάρατ' ἀνδρῶν (716), которое Гекуба обращала к нему самому, желая покарать его. Таким образом, все движется к новой мести, где мстителем выступит уже Полиместор. Эта месть наступает, поскольку именно как месть выглядит пророчество дурного конца Гекубе, Агамемнону и Кассандре, произносимое Полиместором в финале трагедии. Более того, этот финал, предвещающий гибель Агамемнона и Кассандры, связывает «Гекубу» с сюжетом «Орестеи» Эсхила, состоящим из череды возмездий.

Таким образом, если благородство рождает дружбу, то низость — вечную вражду и месть. «Доблесть» и «низость» — вот два понятия, лежащих в основе истинного разграничения дружбы и вражды, и именно доблесть дает истинную свободу. Такой нравственный смысл «Гекубы» — пьесы, в которой относительность привычных представлений о дружбе и свободе разрешается возведением этих понятий к нравственным абсолютам, — весьма напоминает представления Платона об истинной свободе или Аристотеля об истинной дружбе, которые неотделимы у этих философов от добродетели. Мы можем предположить даже, что история этих представлений не начинается

Платоном и Аристотелем, но восходит к софистам V в. до н.э., чьи идеи мог использовать и Еврипид.

Но является ли нравственное содержание главным и единственным содержанием «Гекубы»? Усомниться в этом и поискать в трагедии еще и другой смысл заставляет нас один факт: появление в сюжете фракийского царя Полиместора и перенос действия (гибели Поликсены и Полидора) во Фракию. Еврипид постоянно обращает внимание и на место действия своей пьесы, и на фракийское происхождение Полиместора. Слова «Фракия» и «фракиец» повторяются здесь 20 раз. Полиместора обычно называют не по имени, а просто «фракийским мужем»: когда речь заходит и о его преступлении (ср. ответ Гекубы на вопрос хора о том, кто убийца Полидора: ἔμδς ἔμδς ξένος, Θρήκιος ἱπλότας — «Мой, мой друг, фракийский всадник», 710; а также ее рассказ Агамемнону: Θρήξ νιν ὤλεσε ξένος — «Его убил мой фракийский друг», 774), и о наказании за это преступление (856, 873, 890, 1036, 1047), и о его желании ответной мести (1055); тем самым Еврипид словно бы показывает связь между происходящими событиями и этнической принадлежностью Полиместора. Несколько раз он назван варваром: когда Агамемнон спрашивает Гекубу, каким образом она собирается покарать варвара (πότερα φάσγανον χερὶ / λαβοῦσα γράϊα φῶτα βάρβαρον κτενεῖς, / ἢ φαρμάκοισιν ἢ ἴκκουρίᾳ τινί; — «Ты убьешь варвара, взяв, старуха, в руку меч, или зельями, или с чьей-нибудь помощью?», 876–878). Это обозначение также наводит на мысль о связи между преступлением Полиместора и его происхождением; когда же Агамемнон просит Полиместора рационально изложить аргументы, «оставив свою варварскую природу» (ἐκβαλὼν δὲ καρδίας τὸ βάρβαρον / λέγ', 1129–1130), он ассоциирует с варварством необузданную дикость фракийского царя, проявляющуюся в его желании жестоко отомстить Гекубе.

Хотя фракийцы были союзниками афинян, коварство, жестокость и корыстолюбие — т.е. те самые качества, которые отличают и Полиместора, — являлись их постоянной характеристикой в афинской литературе V в. до н.э. О неумеренной любви к сокровищам Ситалка и Севта, правителей одрисов, самого могущественного из фракийских племен, рассказывает Фукидид (II. 67). Он говорит и о свирепости фракийцев, рассказывая об их жестоком нападении на город Микалесс (VII. 29). Очевидно, ту же жестокость фракийцев имеет в виду и Аристофан, когда называет их «самым воинственным народом» (ὅπτερ μαχηώτατον Θρακῶν ἔθνος, *Ахарняне* 153). Э. Холл видит в подобных пассажах отражение топоса жестокого фракийца и полагает, что именно под влиянием этого топоса Еврипид в «Гекубе» изменил традиционный миф²². Такое объяснение, однако, было бы правдоподобным только в том случае, если бы Полиместор уже и прежде, до Еврипида, участвовал в мифологическом сюжете, а Еврипид только наделил его чертами, которые его современникам казались типичными для фракийцев. На самом же деле наш автор полностью создает этот образ и всю связанную с ним историю, которую он делает главным событием своей трагедии; более того, он переносит из Троицы во Фракию и жертвоприношение Поликсены. Очевидно, у обращения Еврипида к Фракии и фракийцам должна быть какая-то особая цель.

²² Hall 1989, 108.

На важность фракийской темы в «Гекубе» давно уже обратил внимание Э. Дельбек²³. Он объясняет интерес Еврипида к Фракии событиями Пелопоннесской войны, совпадающими по времени с постановкой «Гекубы», которую метрические соображения заставляют датировать серединой 420-х годов. Зимой 424/423 г. спартанцы во главе с Брасидом осадили Амфиполь, афинскую колонию во Фракии. Основываясь на изложении этих событий у Фукидида (IV. 106 и 108), Дельбек описывает их таким образом: афиняне, по его мнению, рассчитывали на помощь своих фракийских союзников, но те, после смерти старого друга Афин царя Ситалка и воцарения его племянника Севта, изменили своему союзническому долгу, и Амфиполь пал. Действительно, Фукидид говорит о предательстве неафинской части жителей Амфиполя, сдавшей город Брасиду (IV. 106), и об отпадении от афинян их союзников в других фракийских городах (IV. 108), однако у нас нет никаких причин считать упоминаемых им здесь союзников фракийцами: разумеется, в обоих пассажах речь идет об эллинах неафинского происхождения²⁴.

Таким образом, едва ли стоит связывать замысел Еврипида с событиями 424/423 г. до н.э. Но в то же время у нас есть свидетельство о том, что возможность и правильность союза с фракийцами оживленно обсуждалась в Афинах в 420-х годах. Фукидид, повествуя о событиях 431 г., говорит о заключении союза между афинянами и фракийским царем Ситалком и упоминает отца Ситалка Тереса (II. 29. 1). Затем в отдельном экскурсе (II. 29. 2) Фукидид объясняет, что этот Терес не имеет ничего общего с Тереем, легендарным фракийским царем, миф о котором был сюжетом трагедии Софокла «Терей»: царь Афин Пандион заключил с Тереем союз, выдав за него свою дочь Прокну, которая родила ему сына Итиса; но затем Терей совершил насилие над сестрой Прокны Филомелой, приехавшей во Фракию навестить свою сестру, отрезал ей язык, чтобы она не могла рассказать о его преступлении, и поместил ее под стражу, сказав Прокне, что она умерла. Тогда Филомела вышла свой рассказ на ткани и послала ее Прокне, и сестры отомстили Терее, убив Итиса и подав его на пиру ничего не подозревавшему отцу. По мнению Фукидида, Терес никак не может быть генеалогически связан с жестоким и коварным Тереем, поскольку их имена пишутся по-разному и поскольку Терес был первым в своем роду, кто стал царем.

Из этого пассажа Фукидида мы можем заключить, что зрители трагедии Софокла, к которой историк здесь, по-видимому, отсылает, могли связать мифологического персонажа с современным им фракийским царем и увидеть в брачном союзе Прокны и Тереем прообраз политического союза между Афинами и Фракией. Значит, «Терей» Софокла имел политический смысл, показывая опасности, которые может таить в себе такой союз. Сам Фукидид возражает против этой интерпретации мифа и против такого отношения к союзу с Фракией, поскольку с Фракией у него были связаны личные интересы — он имел там собственность, и, возможно, там жили его родственники²⁵.

²³ См. подробный анализ «Гекубы» в Delebecque 1951, 147–164.

²⁴ См. Hornblower 1996, 338 (комм. к IV. 106. 1). Выражаю благодарность И.А. Макарову, указавшему мне на правильную интерпретацию текста Фукидида.

²⁵ Rusten 1988, 133 (комм. к II. 29).

Показывая зрителям историю Полиместора, Еврипид, как и Софокл, хотел вызвать у них враждебность к фракийцам и неприятие союза с ними²⁶. Эта главная политическая мысль пьесы прямо выражена в словах, которые обращает к Полиместору Гекуба в своей обвинительной речи (1199–1201):

οὐλοτ' ἄν φίλον
τὸ βάρβαρον γένοιτ' ἄν Ἑλλήσιν γένος
οὐδ' ἄν δύναιτο

Варварский род
Никогда не стал бы другом эллинам,
И не мог бы им стать.

Дельбек, связывая вторую часть трагедии, посвященную преступлению Полиместора, с фракийскими событиями 424/423 г., неправильно трактует структуру трагедии в целом, не замечая ее единства. Он считает, что по первоначальному замыслу главным событием трагедии должно было стать жертвоприношение Поликсены, а главной целью — призыв к миру и к окончанию войны со Спартой: Еврипид хотел показать, что от войны страдают все, и победители, и побежденные. Затем, под впечатлением от измены фракийцев и падения Амфиполя, драматург решил добавить вторую линию, при этом плохо вписав ее в общую композицию²⁷. Как я постарался показать, две главные части пьесы существуют не отдельно одна от другой, но изначально тесно связаны. Вся трагедия в целом подчеркивает относительность обычных представлений о дружбе и вражде, предлагая для них новый и абсолютный критерий — доблесть и низость. Такая тематическая структура прекрасно подходит для той политической цели, ради которой поставлена трагедия: отношение зрителей к фракийцам должно определяться не связывающими их условными узами внешней дружбы, а нравственной оценкой их поступков: коварство и жестокость фракийцев заставляют относиться к ним как к врагам.

Литература / References

- Abrahamson, E.L. 1952: Euripides' tragedy of Hecuba. *Transactions of the American Philological Association* 83, 120–129.
Conacher, D. 1961: Euripides' Hecuba. *American Journal of Philology* 82/1, 1–26.
Daitz, S.G. 1971: Concepts of freedom and slavery in Euripides' Hecuba. *Hermes* 99/2, 217–226.
Delebecque, E. 1951: *Euripide et la guerre du Péloponnèse*. Paris.
Dodds, E.R. (ed.) 1960: *Euripides Bacchae*. 2nd ed. Oxford.
Gantz, T. 1993: *Early Greek Myth: A Guide to Literary and Artistic Sources*. Baltimore—London.
Hall, E. 1989: *Inventing the Barbarian. Greek Self-Definition Through Tragedy*. Oxford.
Heath, M. 1987: Iure principem locum tenet. Euripides' Hecuba. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 34, 40–68.
Hogan, J.C. 1972: Thucydides 3.52–68 and Euripides' Hecuba. *Phoenix* 26/3, 241–257.

²⁶ Иначе видит политический смысл «Гекубы» Шуберт, хотя он также ищет ее событиям аналог в политической ситуации середины 420-х годов (Schubert 2000). Он обращает внимание на «треугольные» отношения в «Гекубе» между ахейцами, троянками и фракийцами и находит им соответствие в политическом «треугольнике», образуемом Афинами, Персией и Спартой. Однако никаких намеков на Спарту и Персию в трагедии нет, и в то же время в ней очень важна роль Фракии и фракийцев.

²⁷ Delebecque 1951, 148–154, 159–161.

- Hornblower, S. 1996: *A Commentary on Thucydides*. Vol. II. *Books IV–V*. 24. Oxford.
- King, K.C. 1985: The politics of imitation: Euripides' *Hekabe* and the Homeric Achilles. *Arethusa* 18/1, 47–66.
- Lawson, J. 1758: *Lectures Concerning Oratory*. Dublin.
- Luschnig, C.A.E. 1976: Euripides' *Hecabe*: The time is out of joint. *Classical Journal* 71/3, 227–234.
- Méridier, L. (ed.) 1956: *Euripide: Tragédies*. T. II. *Hippolyte, Andromaque, Hécube*. 2e éd. Paris.
- Meridor, R. 1978: Hecuba's Revenge. Some observations on Euripides' *Hecuba*. *American Journal of Philology* 99/1, 28–35.
- Meridor, R. 1983: The function of Polymestor's crime in the *Hecuba* of Euripides. *Eranos* 81, 13–20.
- Michelakis, P. 2002: *Achilles in Greek Tragedy*. Cambridge.
- Mossman, J. 1995: *Wild Justice. A Study of Euripides' Hecuba*. Oxford.
- Nikolsky, B. 2015: *Misery and Forgiveness in Euripides: Meaning and Structure in the Hippolytus*. Swansea.
- Norwood, G. 1948: *Greek Tragedy*. 4th ed. London.
- Pohlenz, M. 1954: *Die griechische Tragödie*. 2. Aufl. Göttingen.
- Prévost, P. 1786: Examen de la tragédie d'Hécube. In: P. Brumoy, *Le théâtre des grecs*. Nouvelle édition. T. IV. Paris, 480–504.
- Rusten, J.S. (ed.) 1988: *Thucydides. The Peloponnesian War. Book II*. Cambridge.
- Schubert, P. 2000: L' Hécube d' Euripide et la définition de l'étranger. *Quaderni Urbinati di Cultura Classica* 64/1, 87–100.
- Segal, C. 1990: Violence and the other: Greek, female and barbarian in Euripides' *Hecuba*. *Transactions of the American Philological Association* 120, 109–131.
- Stanton, G.R. 1995: Aristocratic obligation in Euripides' *Hekabe*. *Mnemosyne* 48/1, 11–33.
- Tierney, M. (ed.) 1946: *Euripides: Hecuba*. Dublin.